
Уютный детектив
“Кавычка,
или
Смерть на последней странице
Ищите меня там, где «|
Серия «Красный карандаш»
книга 12

Милана Панова

Кавычка или Смерть на последней странице

https://litres.ru/74709567
SelfPub; 2026

Аннотация

За три дня до презентации нового романа автор исчезает из запертой квартиры. Дверь закрыта на цепочку, окна целы, на экране ноутбука недописанная фраза, а на полях верстки кто-то оставил странную правку. Корректор Нина Платонова замечает в тексте то, что пропустили все: открытую кавычку без пары. Она понимает, что это не опечатка, а подсказка, и что искать надо там, где «начиналась» «Красная строка». У расследования три препятствия: пиарщик с безупречной репутацией, подставная рукопись с поддельным ISBN и знакомая рыжая секретарша, которой нельзя верить. Эта книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Кавычка или Смерть на последней странице

Кавычка, или Смерть на последней странице

Серия «Красный карандаш», книга 12

Глава 1. Запертая квартира

Поезд пришёл в Н-ск в половине десятого утра, под нудным осенним дождём, и первое, что я увидела на перроне, была Катя. Она стояла под зонтом, без шапки, с красным носом и таким лицом, будто не спала трое суток.

— Нина Сергеевна! — Она бросилась ко мне, едва не выронив зонт. — Слава богу!

— Что случилось? В телеграмме толком ничего не было.

— Я не знала, как объяснить. — Она шмыгнула носом. — Тамара пропала. Позавчера вечером. Из квартиры. Из запертой квартиры.

— Подожди, подожди. Давай по порядку.

— По порядку не получится, — вздохнул Андрей, забирая у меня чемодан. — Сначала в машину, потом по порядку. Здесь все промокнут.

Эклер в переноске недовольно зашипел на дождь. Он явно считал, что отпуск должен был продлиться вечно, а вернули

его по ошибке.

В такси Катя рассказывала торопливо, сбиваясь:

— Мы с Глебом в воскресенье договорились забрать Тамару на репетицию презентации. Она должна была читать отрывок. Я позвонила, не отвечает. Приехала на Тополиную. Позвонила в дверь. Тишина. Тогда я позвала дворника, он открыл запасным ключом. Дверь была заперта изнутри, на цепочку.

— На цепочку?

— Да. Пришлось перекусывать. А внутри никого нет.

— Окно?

— Закрыто. Третий этаж. Рамы нетронуты. Я проверила.

— Балкон?

— Нет балкона. — Катя покачала головой. — Нина Сергеевна, это как в её книге. В последней главе героиня исчезает из запертой квартиры, а на столе остаётся недописанная фраза. Я читала верстку. Я помню.

— И на столе недописанная фраза?

— Да. На экране ноутбука. Курсор мигает после последнего слова.

— Ты ничего не трогала?

— Нет. Я сразу позвонила Маргарите Викторовне, потом в полицию. Полиция приехала, посмотрела, написала заявление, сказали: взрослый человек, трёх суток не прошло, подождите. Только Андрей…

— Андрей отпуск закончил сегодня, — сказал Андрей. —

Но уже работает.

Мы подъехали к знакомому серому дому на Тополиной. Дождь стучал по крышам. В подъезде пахло кошками, сыростью и сигаретным дымом. Мы поднялись на третий этаж, остановились перед дверью без таблички. Дверь была опечатана, но Андрей, показав удостоверение участковому, дежурившему у входа, снял бумажку.

Квартира выглядела так, как будто хозяйка вышла на минуту. На кухне на столе стояла чашка с недопитым чаем. Я коснулась пальцами фарфора. Холодный. На плите чайник. На подоконнике увядающий фикус. В комнате, у окна, разложенный диван, плед, подушка. Книжные полки до потолка, на столе ноутбук, раскрытый, с погасшим экраном.

— Она ушла вечером в субботу? — спросил Андрей.

— Соседка слышала, как в субботу в десять вечера Тамара включала воду в ванной, — сказала Катя. — Потом всё стихло.

— Камеры во дворе?

— Одна. Над подъездом. Я смотрела запись. Тамара вошла в пятницу вечером с пакетом продуктов. Больше не выходила.

— Значит, она в квартире.

— Нет. Вот и странно.

— Или вышла через другой выход.

— Подъезд один, — сказал Андрей. — Чердак закрыт на висячий замок. Я проверил, пока вы ехали.

Я подошла к столу. Эклер, выпущенный из переноски, мгновенно обследовал углы и сел у батареи, глядя на нас круглыми, внимательными глазами. Я нажала пробел. Экран вспыхнул.

Белая страница текстового редактора. Шрифт Times New Roman, четырнадцатый кегль. Один абзац:

«Если вы читаете это, значит, они уже узнали, что я не умею молчать. Я оставляю вам всё, что смогла сохранить. Ищите меня там, где «

Дальше мигал курсор.

Я прочла. Потом ещё раз. Потом, не касаясь клавиатуры, внимательно рассмотрела каждое слово.

— Это она печатала? — спросил Андрей.

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что в фразе есть странность. — Я указала пальцем на экран. — Видишь «ёлочки»? Одна открыта, закрытой нет. Тамара ставит кавычки всегда парами. Всегда. Она корректор. Она бы никогда не оставила открытую кавычку.

— Может, не успела.

— Возможно. А может, оставила намеренно.

— Зачем?

— Чтобы показать, что дальше идёт цитата. — Я выпрямилась. — «Ищите меня там, где…» и открытая кавычка. То есть продолжение должно быть чужими словами. Тем, что кто-то когда-то сказал. И что я могу узнать.

— Ты думаешь, это послание?

— Думаю, что Тамара умная женщина. И что она знала: прочтёт её не полиция, а я.

В дверь позвонили. Катя вздрогнула. Андрей молча положил руку на кобуру, которой у него не было, и открыл.

На пороге стояла соседка, маленькая, сухая, в вязаной кофте и очках, с мисочкой в руках.

— Я Валентина Ивановна, — сказала она. — Из тринадцатой. Вы Тамарины друзья?

— Да.

— Я кошке её принесла. Она каждый вечер кормила. Вот, думаю, голодная.

— У Тамары есть кошка?

— Была. Рыжая. Тамара говорила, что в честь деда. — Она вздохнула. — Куда-то пропала. Три дня не видела. Может, вместе с хозяйкой?

— Валентина Ивановна, — спросила я осторожно, — вы слышали что-нибудь в ночь на воскресенье?

— Музыку. Негромкую. Старую, такую, «Лунную сонату». Как будто на пластинке. Потом шаги. Потом хлопнула дверь. Не входная, а другая.

— Какая другая?

— У нас в доме такая есть, в подъезде, на лестнице. Ведёт в подвал. Её давно заколотили, но ночью кто-то открывал. Я слышала скрип.

Мы с Андреем переглянулись.

— Спасибо, — сказал он. — Это очень важно.

— Я ничего такого не думала. Просто слышала.

— Вы молодец.

Старушка зарделась. Эклер, до этого безучастно сидевший у батареи, вдруг встал, вышел в коридор и потянулся мордочкой к двери, ведущей на лестницу. Потом обернулся и посмотрел на меня.

— Он что-то понял, — прошептала Катя.

— Он всегда что-то понимает, — сказала я. — Вопрос в том, что именно.

Глава 2. Последняя глава, версия вторая

Вечером я сидела в кабинете Маргариты Викторовны и читала верстку.

Это была настоящая верстка книги: белые листы формата А4, на каждой странице три колонки, широкие поля, колонтитулы с названием «Последняя глава». Роман Тамары Гусевой, написанный за три недели после юбилея и сданный в типографию накануне её исчезновения. Тираж пятьдесят тысяч. Презентация в пятницу, в книжном клубе «Пегас», на которую приглашены триста человек, включая телевидение.

— Ты нашла? — спросила Маргарита Викторовна, входя с двумя чашками чая.

— Читаю.

— Это не просто детектив.

— Знаю.

В романе героиня, тихая сорокалетняя женщина по име-

ни Надежда, всю жизнь писала чужие книги под чужой фамилией. После юбилея, на котором едва не погибла её работодательница, Надежда решает рассказать правду миру. Но накануне презентации исчезает из своей запертой квартиры. На столе остаётся недописанная фраза: «Если вы читаете это, значит, они уже узнали, что я не умею молчать».

— Те же слова, — сказала я.

— Те же.

— Тамара сама написала эту сцену, а потом разыграла её?

— Возможно. — Маргарита Викторовна села. — Или кто-то прочёл книгу и решил воспользоваться.

— Кто читал рукопись?

— Редактор Полина Крылова. Корректор Зоя Аркадьевна, она вычитывала на скорую руку. Тимур для обложки. Типография, конечно, но там только набор. Я. Вересаева.

— Вересаева?

— Тамара сама дала ей почитать. Хотела извиниться. Лидия прочла за ночь и расплакалась. Сказала, что это лучшая книга, которую она когда-либо держала в руках.

— А потом?

— Потом уехала в Москву. Не знаю зачем.

Я перевернула страницу. И вдруг заметила то, чего не видела раньше. На полях, чёрным карандашом, мелко, торопливо, чьей-то рукой был написан вопрос: «Зачем она это пишет? Если вычеркнуть — сцена выиграет?»

— Кто это?

— Это Полина.

— Полина правила?

— Конечно. Она редактор.

— Покажи мне её правку.

Маргарита Викторовна нахмурилась, подошла к шкафу, достала папку. Это были первичные листы, исчёрканные чёрным карандашом. Я разложила их на столе.

Полина Крылова, двадцати девяти лет, окончила журфак, работала в «Красной строке» всего полгода. Я знала её мало: тихая, аккуратная, с большими глазами и привычкой постоянно извиняться. Её правка была вежливая, осторожная. Она предлагала сократить абзац, заменить слово, убрать повтор.

Но в одном месте она сделала странное. В четвёртой главе, там, где героиня Надежда разговаривает с вымышленным пиарщиком по имени Арсений Лавин, Полина зачеркнула фамилию и вместо неё написала на полях: «Нельзя. Сменить».

— Почему «нельзя»? — спросила я.

— Не знаю. Может, потому что Лавин звучит как «Левин». У нас есть пиарщик Вересаевой Арсений Левин.

— Что?

— Её агент. Он ведёт все её дела уже восемь лет.

Я откинулась на спинку стула. Что-то не сходилось. Или, наоборот, слишком хорошо сходилось.

— Маргарита Викторовна. Тамара писала про Левина?

— Откуда мне знать? Она писала про вымышленного человека.

— Но имя почти совпадает.

— Совпадает.

— И в романе этот Лавин играет ключевую роль. Он тот, кто подставляет Надежду. Кто крадёт её рукописи. Кто устраивает её исчезновение.

— Это роман, Нина.

— Это роман, написанный человеком, который сорок пять лет ходит по земле и видит больше, чем говорит. — Я перевернула лист. — Позовите Полину.

Через десять минут в кабинет вошла Полина Крылова: худая, бледная, в сером платье и с огромной папкой, которую она прижимала к груди, как щит.

— Вы меня звали?

— Садитесь, Полина. Не бойтесь.

— Я не боюсь.

— Тогда хорошо. — Я улыбнулась. — Вы правили роман Тамары. Расскажите, как вы работали.

— Как обычно. Читала, предлагала изменения, она принимала или отказывалась.

— Она отказывалась часто?

— Нет. Почти всегда соглашалась. Только про сцену с Лавиным не уступила. Я просила убрать. Сказала, что слишком похоже.

— На Левина?

— Да. — Полина покраснела. — Я не хотела конфликта. Он всё-таки главный пиарщик нашего главного автора. Но Тамара ответила: «Это не Левин. Это то, чем Левин мог бы стать, если бы никто не остановил».

— Остроумно.

— Я не поняла.

— Я тоже. — Я наклонилась вперёд. — Полина, а вы показывали рукопись кому-нибудь, кроме издательства?

— Нет.

— Вересаевой?

— Нет. Она сама пришла. Тамара дала.

— Левину?

— Конечно нет.

— Вы уверены?

— Совершенно.

Она ответила слишком быстро. Слишком твёрдо. А ещё я заметила, как она сжала папку, и костяшки пальцев побелели.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо. Идите.

Когда она вышла, Маргарита Викторовна посмотрела на меня.

— Она врёт.

— Конечно.

— Почему ты её отпустила?

— Потому что если человек врёт, значит, боится. А если боится, значит, знает больше, чем говорит. — Я взяла верст-

ку. — И сейчас мне нужно кое-что проверить.

— Что?

— Какая версия файла уходила в типографию.

Мы прошли в комнату, где стоял сервер издательства. Катя, сидевшая за терминалом, подняла голову.

— Нина Сергеевна, мне пришлось звонить Тимуру. Я не очень разбираюсь в серверах.

— Ничего. Покажи.

На экране открылось дерево папок. «Книги». «Последняя глава». «Рукописи». «Правки». «Типография». Я открыла файл, который был отправлен в печать, и включила режим рецензирования.

Страницы запестрели цветными пометками. Зелёные вставки, красные вычеркивания, синие комментарии. Каждая правка была подписана автором: «Т. Гусева», «П. Крылова», «З. Пчёлкина».

Но на последней странице, в самом конце, значилась ещё одна правка. Тонкая, едва заметная, серая.

Автор: «А. Левин».

Время: «Суббота, 22:47».

— Что? — прошептала Катя. — Левин правил книгу?

— Не просто правил. — Я приблизила изображение. — Смотри.

Серой правкой было заменено последнее слово в недописанной фразе. Вместо «Ищите меня там, где…» стояло: «Ищите меня там, где её никто не найдёт».

— То есть он дописал.

— Он добавил. А потом удалил. Остаётся след.

— Но это не Тамара.

— Нет. — Я нахмурилась. — Это значит, что в субботу в двадцать два сорок семь кто-то с логином Левина заходил в файл. Через четыре минуты после того, как соседка слышала шум в ванной. Он видел то, что видела Тамара. И знал, что она исчезнет.

— Он её похитил?

— Или просто знал, что она собирается скрыться.

— Но зачем?

— Не знаю. Но чем больше я об этом думаю, тем яснее мне становится, что мы смотрим на ту же сцену с двух разных сторон.

— Как это?

— Тамара написала эту сцену заранее. Она знала, что исчезнет. Она хотела, чтобы я нашла книгу и поняла. А Левин, получив доступ к файлу, пытался воспользоваться её исчезновением. Не подстроил, а присоединился.

— Присоединился к чему?

— К спектаклю, — сказала я. — К спектаклю, который Тамара поставила одна. И который теперь превращается в настоящее преступление.

Глава 3. Агент и звезда

На следующий день, в среду, в издательство приехала Лидия Вересаева.

Она явилась в одиннадцать утра, в белом платье, в огромных тёмных очках, с Бонапартом на руках, но без обычного триумфа. В лифте она встретилась со мной, посмотрела молча и вдруг сняла очки. Глаза у неё были красные, припухшие.

— Нина Сергеевна.

— Лидия Андреевна.

— Это правда? Тамара пропала?

— Правда.

— Господи. — Она прижала к себе пуделя. — Я думала, что это шутка. Что она придумала такую рекламу. Но потом Арсений сказал…

— Что сказал Арсений?

— Что это возможность. — Она запнулась. — Он сказал, что исчезновение автора накануне презентации — лучший пиар. Что книга разойдётся за неделю. Что мы должны не искать её, а использовать.

— Использовать?

— Он хочет, чтобы на презентации я вышла на сцену и сказала: «Тамара Гусева пропала, но её книга останется». Чтобы все плакали и покупали.

— И вы согласились?

— Нет. — Вересаева сжала губы. — Я сказала, что подумаю. Но, Нина Сергеевна, я боюсь. Он очень настойчивый. Он восемь лет ведёт мои дела, и я привыкла ему подчиняться.

— Где он сейчас?

— В приёмной. Ждёт Маргариту Викторовну.

Я вышла из лифта и пошла по коридору. В приёмной, на кожаном диванчике, сидел мужчина лет сорока, подтянутый, с безупречной стрижкой, в тёмно-синем костюме без единой складки. Он листал телефон с таким видом, словно управлял ракетой. Увидев меня, поднял голову, улыбнулся и встал.

— Нина Сергеевна Платонова, — произнёс он тёплым баритоном. — Наслышан. Арсений Левин.

— Приятно.

— Не представляете, как я рад. — Он пожал мне руку обеими ладонями, как делают политики. — Вы единственный человек в этом городе, кто способен разобраться в нашей ситуации.

— Какой ситуации?

— Исчезновение Тамары Гусевой. Это трагедия. И в то же время… — Он слегка понизил голос. — Возможность.

— Возможность чего?

— Привлечь внимание. Книга выходит в пятницу. Если мы правильно подадим новость, у нас будут все федеральные каналы.

— А Тамара?

— Конечно, мы будем её искать. Но параллельно нужно думать о бизнесе.

— Арсений Игоревич, — сказала я, — вы уверены, что она пропала? Что не скрылась сама?

Он на мгновение застыл. Улыбка осталась на месте, но глаза изменились: стали холодными, расчётливыми.

— А вы как считаете?

— Я пока не знаю.

— Это очень разумно. — Он поправил манжету. — Я тоже не знаю. Но я всегда готов к любому сценарию.

— Вы были в её квартире?

— Нет.

— Вы знаете адрес?

— Конечно. Лидия Андреевна платила ей за работу, у меня есть все данные.

— Вы звонили ей в субботу?

— Я? Нет.

— Писали?

— Нет. — Он улыбнулся. — Нина Сергеевна, мне кажется, вы что-то подозреваете.

— Я просто собираю картину.

— Тогда собирайте. Но предупреждаю: у меня алиби на субботу. Я был на корпоративе в Москве. Двести человек видели.

— Я вам верю.

— Вот и хорошо. — Он слегка поклонился. — Простите, мне нужно позвонить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.